

говорить, и възаболѣ у ёго никого нѣтъ. Поѣзжай съ Богомъ, старичекъ, не обезсудь на насъ, што мы тебѣ сѣно то потыкали“. Ну, а какъ они ушли, старичекъ поѣхалъ себѣ и дочку домой доставилъ. Отецъ ему половину богатства за это отдалъ.

Орловскій у., дер. Халтуриныхъ. Зап. со словъ Орины Халтуриной 1882 г.). Сказка эта самая распространенная въ здѣшнемъ уѣздѣ).

128. [О нечистой силѣ].

Одныжды дѣвки слушать пошли (о Рождествѣ). Пустой домъ тутъ въ деревнѣ былъ,—такъ вотъ туда онѣ и забрались. Парни провѣдали это да и забились на полати запрежа еще, попугать дѣвокъ хотѣли. Вотъ ладно. Взошли дѣвки въ избу, а тутъ изъ подполу бѣсъ и вылѣзаетъ. Заганулъ имъ загадку: „что, баеть, за три косы да что за три дуги?“ Дѣвки спужались страсть. Парни тутъ и шепнули имъ: „вы, бають, не бойтесь, мы отгадаемъ“. Вотъ и бають бѣсу: „а и три косы, бають, коса—у дѣвки, да коса, что косятъ, да коса—у пѣтуха; а и три дуги, бають: дуга запрегательная, да дуга—радуга, да дуга—бровь у красной дѣвушки“. Чортъ видитъ: отганули.—„Бѣгите, баеть, скорѣе, скорѣе, не то—худо будетъ“. Онѣ сичасъ драли. Только у одной дѣвки сарафанъ спалъ; такъ тутъ въ избѣ и остался, голая домой прибѣжала. Посмотрѣли тутъ на другой день, а сарафанъ весь по клочьямъ такъ и разбросанъ по всей избѣ.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Зап. со словъ крестьянки Авдотьи Горовой. 1882 г.

129. Мужикъ и запойщикъ.

Мужъ съ женой жилъ. Жили страсть богато. Только ему, этому мужу-то, все въ уши вносятъ, про жону бають. Ну, а онъ не слушаетъ. „Что, баеть за пустяки!“ и бить николѣ жоны не билъ, пальчикомъ не тронулъ.

Только и поѣхалъ онъ по сѣмю въ городъ да и баеть жонѣ: „я, баеть, поѣду, а ты меня, мотри, не дожидай; се-

водни не прїѣду. Завтра, значить, али какъ-нибудь“. Ладно, уѣхалъ. Жона сичасъ всего настряпала. Вотъ къ ней и приходитъ гость, вечеромъ-то. Сичасъ за столъ его посадила, почитаетъ всѣмъ. Тутъ и крысается въ дверь кто-то: стукъ, стукъ, стукъ! Она сичасъ ему и баеть: „полѣзай въ печь“. Пріостерегается, значить, виду не хочетъ показать. Вотъ и взошелъ въ избу другой, тоже гость, сѣлъ. А тутъ въ дверь опять крысается кто-то. Она сичасъ и другаго въ печь. Третьей пришелъ, и онъ за столъ сѣлъ. Ну, она его почитать принялась, все вынесла на столъ: ѣшь, пей! А тутъ четвертый гость—мужъ на ворота прїѣхалъ. Она сичасъ его: „полѣзай въ печку“. Такъ и спрятала; вѣрно другъ дружку знали, смирно сидятъ въ печкѣ. Пропустила мужа въ избу да и баеть: „что, баеть, прїѣхалъ, я ничего и не припасла, думала, до завтрава пробудешь“. А мужъ попандерить захотѣлъ. „Поѣмъ, думаетъ, спать лягу“. Взялъ лучинку зажегъ и полѣзъ въ печку; заглянулъ—анъ тамъ стряпни прибыло. Онъ и кричитъ имямъ: „вылазьте-ко изъ печи“, а самъ сичасъ припасъ чѣмъ заобушить ихъ. Они выползли оттудова, а онъ сичасъ ихъ взялъ да убилъ. Убилъ да и обзаботился, куды, значить, ихъ дѣти. А жену и пальчикомъ не пошевелилъ. Ну, упечаталъ онъ ихъ да и спредѣлилъ покалѣ въ подпечь. А нужно подальше убрать. Самъ нести боится; какъ тутъ? закручинился, запечалился. — „Что, баеть, я стану дѣлать топерь?“ Вотъ день пришелъ, онъ и пошелъ на базаръ. Видитъ: тамъ запойщикъ, пьяница ходитъ. Запойщикъ его и спрашиваетъ: „что закручинился?“ Какъ маленько тамъ ино попало ему, онъ и рассказалъ все: „вотъ, баеть, такъ и такъ ночевалъ у меня манахъ, да вдругъ съ душой разстался. Не знаю топерь, какъ и быть“. А запойщикъ и говоритъ ему: „есъ объ чемъ заботиться! давай я упрячу, только ночи дождать“. Вотъ онъ и приходитъ домой и выложилъ манаха подъ порогъ. Запойщикъ приходитъ, видитъ—мертвъ, околѣлъ, что и есть. Взялъ, свалилъ на плечи и понесъ. Несъ, несъ... Только тутъ солдаты были на обвахтѣ, караулили. Вотъ и спрашиваютъ его: „кто тутъ идетъ?“ — „Чортъ, баеть, идетъ, манаха несетъ“. Салдаты дивятся промежь себя: „что, бають, это такое, гдѣ чортъ монаха взялъ?“ Только приносить запойщикъ его на-рѣку, спехнулъ въ пролубъ, надогомъ помѣшалъ да и пошелъ

опять къ мужику плату взять съ него. Ладно. Только приходитъ, а тутъ другой лежитъ подъ порогомъ, мужикъ его выбросилъ. Запойщикъ и говоритъ: „ишь ты: попередъ меня поспѣлъ!“ Взялъ опять, свалилъ на плечи и понесъ опять на рѣку. Солдаты его и спрашиваютъ: „кто тутъ идетъ?“— „Чортъ, баеть, идетъ, манаха несетъ“.— „Да что это, бають, куды манаховъ-то таскають? Все тащатъ, все тащатъ... Когда же это конецъ-отъ будетъ?“

Вотъ ладно. Спехнулъ онъ его въ пролубъ, падогомъ помѣшалъ.— „Ну, баеть, сиди топеря тутъ, не бѣгай“. Пошелъ назадъ къ мужику. Подходить къ мужикову дому— анъ тамъ еще манахъ, мужикъ его подсунулъ.— „Да чтой-то, баеть, это? долго-ли я съ тобой мучиться то буду, сукинъ ты сынъ? Ну, ужъ, баеть, я тебя топерь подальше стащу, не прибѣжишь“. Взялъ, опять и понесъ. Салдаты опять и спрашиваютъ: „кто тутъ идетъ?“— „Чортъ, баеть, идетъ, манаха несетъ“.— „Ну, баеть, что, баеть, это будетъ? Все манаховъ да манаховъ. Весь монастырь, баеть, скоро сносить“.

Запойщикъ пошелъ, спехнулъ въ пролубъ манаха. Идетъ назадъ, къ заутренѣ зазвонили, попъ въ церковь пошелъ. Онъ за попа то и поймался. „Ахъ ты, баеть, сукинъ сынъ, подлецъ экой! долго ли я съ тобой вошкаться стану? Что я те пять разъ што-ли носить то буду?“ А попъ молитву читаетъ: „я, баеть, попъ, ты меня не трожь!“ А онъ взялъ да такъ его и умаялъ, въ пролубъ тоже снесъ.

Тутъ разыскные пошли, стали, слышь, искать манаховъ, куды это они дѣвались; да и попъ тоже пропалъ. Солдаты видѣли это, нужно имъ обликовать. Вотъ они и рассказали все: „чортъ, баеть, всю ночь манаховъ таскалъ“. Ну, такъ на чертей и положили: чортъ, баеть, да и все тутъ.

Только запойщикъ все ходитъ къ мужику: деньги подавай! выдать хочеть. Мужикъ давалъ, давалъ, да ужъ и нѣчего стало: ничѣмъ ничего не осталось. Вотъ и баеть онъ своей хозяйкѣ: „я, баеть, умру, а ты меня въ гробъ положи да въ черковь отнеси да двѣ коробки спичекъ положи со мной“. Ладно, и умеръ, доспѣлъ, значить. Она его снарядила, въ черковь снесла, тамъ положила. Ночь пришла. Ну и пріѣхали тутъ къ черквѣ разбойники. Окно выломали, влѣзли въ черковь, шарпать стали вездѣ. Шар-

пали, шарпали, шарпали, шарпали, набрали много чего, тутъ и денегъ и золота. — „Ну, бають, будетъ, подемте домой“. А мужикъ исподтиха вылѣзъ изъ гроба, — онъ все слушалъ, что они тамъ дѣлали. Взялъ спичками обмаралъ лицо да и сталъ у стѣны. Какъ пошли разбойники, онъ и обворотился къ нимъ. Разбойники такъ тутъ и упали. спички то вѣдь свѣтятся, когда ими намажешь что, и у него морда то въ свѣту вся, а разбойники думали, что онъ святой. Такъ и умерли тутъ всѣ. Мужикъ подобралъ всѣ коробки ихніе да и ушелъ домой. Богато сталъ жить тогда.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Записано со словъ кр. Авдотьи Горевой. 1882 г.

130. [Мачеха и пасынокъ].

Жилъ царь, а у царя одинъ сынъ былъ. Мачиха не одѣваетъ и не жонить его. Вотъ онъ наклался и пошелъ вдоль дороги. А навстрѣчу ему идетъ Богъ. „Ты, говорить, что паренъ горюешь?“. Вотъ онъ и говоритъ: „забijaетъ, говорить, меня мачиха, не одѣваетъ и не жонить. Какъ тутъ мнѣ не горевать?“ Богъ ему и говоритъ: „ты отступись отъ еѣ, наплевать, а лучше сдѣлай вотъ что: возьми чарушку пшеницы и уйди на подсѣку и посѣй. Какъ вырастетъ та пшеница, прибѣгутъ 3 куничи, онѣ не три куничи, а 3 дѣвицы. Ты пымай одну за хвостикъ, переломи хвостикъ и взади и впереди брось. Тутъ тебѣ и будетъ дѣвица; ты и женись на ней“. Ладно. Пошелъ Иванъ-царевичъ, взялъ чарушку пшеницы, ушелъ на подсѣку и посѣялъ. Только прибѣгаютъ тутъ 3 куничи, то не 3 куничи, а 3 дѣвичи. Взялъ пымалъ онъ одну за хвостикъ, переломилъ его и взади и впереди бросилъ, тутъ и вышла дѣвица. И говоритъ она Ивану-царевичу: „пымать то ты меня пымалъ, да только не совсѣмъ“. — „А какъ же, говорить, не совсѣмъ я тебя пымалъ“. — „Да вѣдь у меня, говорить, имѣнья то совсѣмъ нѣтъ ничего. Я живу одна, какъ барыня, за тремя морями, за тремя полями да за тремя лѣсами“. И стала она его просить: „отпусти меня, Иванъ-царевичъ, за имѣніемъ; я тебѣ приплавлю ево на корабляхъ“. Богатѣюща была вѣдь. — „Да ты, говорить, меня про-